

Ф. Р. Мартин и организация Самаркандской экспедиции Н. И. Веселовского в 1895 г.

Резюме. В статье рассматривается история организации Самаркандской экспедиции 1895 г. под руководством Н. И. Веселовского. На основании архивных документов доказывается, что непосредственной причиной, приведшей к созданию экспедиции, были письма шведского ученого Фредерика Роберта Мартина. По возвращении в начале 1895 г. из своего путешествия по Средней Азии Ф. Р. Мартин направил письмо министру финансов С. Ю. Витте с описанием бедственного положения древних памятников Азии. Академия наук и Археологическая комиссия по различным причинам не смогли реально содействовать созданию экспедиции. С. Ю. Витте, будучи близким знакомым семьи А. А. Бобринского, способствовал выделению из средств министерства финансов сумм, необходимых для организации экспедиции и осуществления мероприятий по охране древностей Самарканда.

Ключевые слова: Самаркандская экспедиция, сохранение памятников, Н. И. Веселовский, Ф. Р. Мартин, С. Ю. Витте, А. А. Бобринский.

Smirnov A. S. Role of F. R. Martin in the organization of N. I. Veselovsky's Samarkand Expedition in 1895. The article is devoted to the history of the Samarkand Expedition of 1895 headed by N. I. Veselovsky. On the basis of archive documents, the author proves that it were the letters of a Swedish scientist Fredrik Robert Martin that acted as the driving force for the expedition. Upon return, in early 1895, from his journey in Central Asia, F. R. Martin wrote a letter to the Russian Minister of Finance S. Yu. Vitte, describing the distressful state of ancient monuments in Asia. The Academy of Sciences and the Archeological Commission could not, for various reasons, contribute in any significant way to fitting out the expedition. S. Yu. Vitte, being a close acquaintance of the family of A. A. Bobrinsky, provided assistance in getting money from the Ministry of Finance for arranging the expedition and taking steps for protection of the ancient monuments of Samarkand.

Keywords: Samarkand Expedition, preservation of monuments, N. I. Veselovsky, F. R. Martin, S. Yu. Vitte, A. A. Bobrinsky.

Имя шведского археолога и ориенталиста Фредерика Роберта Мартина (1868–1933) известно российским ученым. Обычно оно связывается с исследованиями Западной Сибири.

В 1891–1892 гг. молодой ученый на средства Шведского общества антропологии и географии совершил свое первое путешествие в Россию. Результаты этой поездки, помимо статей в журналах, были подробно изложены в его знаменитом труде «Sibirica» («Сибирика»), изданном в Стокгольме в 1897 г. (Martin 1897). Подробное описание путешествия на просторах Сургутского края, в Томской и Минусинской губерниях, сопровождавшееся прекрасными

фотографиями, рисунками и многочисленными таблицами, сделало эту книгу необходимой для специалистов, изучающих прошлое Сибири.

Его труд востребован и в наши дни, о чем свидетельствует издание этой книги, в переводе на русский язык, в Екатеринбурге в 2004 г. (Мартин 2004). Материалы исследований Ф. Р. Мартином быта сибирских коренных народов, результаты раскопок курганов и поселений, в том числе знаменитой Барсовой Горы, до сих пор используются учеными (Мальм, Нюгард 2002: 35–37). Встречи шведского путешественника с основателем Минусинского музея Н. М. Мартяновым, немало способствовали утверждению этого музея в глазах власть предержащих.

Менее известны результаты путешествий Ф. Р. Мартина по югу России и в туркестанских владениях империи. Хотя деятельность шведского ученого на просторах Средней Азии так же оказала большое влияние на историю отечественной археологии. А сам Ф. Р. Мартин в очередной раз был пленен доброжелательным отношением жителей к его персоне и его исследованиям. «Я часто проживаю в России; я находил там столь много радушия и любезности, что с моей стороны было бы неблагодарностью не делать всего возможного, чтобы быть полезным стране, которую люблю почти так же, как свое отечество» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 573. Л. 19).

В 1894–1895 гг. Ф. Р. Мартин совершил поездку по европейской России, Кавказу и Центральной Азии (Arne 1935: 131). Особое впечатление на шведского ученого произвели архитектурные памятники Туркестана. И не только с точки зрения их научной значимости. Ф. Р. Мартина потрясла их непривычная для северянина красота, их уникальный облик, удивительные элементы декора. А также плачевное состояние, в котором находились архитектурные шедевры. Судя по всему, еще более его поразило равнодушие власти, общества и, в том числе, российских ученых, к состоянию этих памятников древности. Ф. Р. Мартин предпринял все возможные для него шаги с целью исправить вопиющую несправедливость.

По возвращении из путешествия, будучи в Петербурге, Ф. Р. Мартин 28 января 1895 г. пишет эмоциональное письмо о состоянии древних памятников российскому министру финансов Сергею Юльевичу Витте. То, что шведский ученый обращается с подобными проблемами не в императорскую Археологическую комиссию, а к всесильному министру финансов, показывает, что Ф. Р. Мартин за годы работы в России прекрасно понял истинные материальные возможности этой придворной комиссии. «Археологическая комиссия трудится по мере сил, но что значат ее средства в сравнении с обширностью империи», писал он С. Ю. Витте (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 573. Л. 19об.).

В первых строках шведский ученый сообщает, что «в далекой Сибири, в г. Минусинске, частное лиц учредило музей, самый прекрасный и богатый провинциальный музей России. Во время путешествия для исследования тамошнего края, три года тому назад, я снял фотографии с этого музея и издал их (Martin 1893). Позволяю себе преподнести Вашему превосходительству этот труд, дабы показать, какая сокровища кроются в недрах России. Я осмеливаюсь на это, зная, что Вы, Ваше превосходительство, принимаете живейшее участие во всяком прогрессе России так же и в научном отношении» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 573. Л. 18).

Далее Ф. Р. Мартин описывает свое впечатление о среднеазиатских древностях. «Что я там видел интересного — не поддается описанию. Туркестан — не только самая богатая, но и самая интересная и самая важная в научном отношении часть империи. Через этот край прошли все большие переселения народов... Все эти народы оставили после себя многочисленные следы, особенно магометане при Тамерлане. Какая великолепные постройки он соорудил в любимом своем городе Самарканде, это не поддается никакому описанию. Некоторые из прекраснейших памятников всего мира превращаются там в развалины, и никто не интересуется ими и не думает о них. Об этих чудных сооружениях мало кто знает. От землетрясений ежегодно отпадают от них те или другая части, и через 20 лет, а может быть и ранее, от этих великолепных и весьма важных для науки построек ничего не останется, кроме груды камней. Фаянсовые изразцы, которыми они обложены, представляют собою громадную материальную ценность» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 573. Л. 18–19).

По мнению Ф. Р. Мартина, для исправления ситуации, спасения памятников нужны срочные меры. «Еще время не ушло. Еще можно небольшими денежными средствами все почти спасти и предохранить от дальнейшего разрушения. По крайней мере, можно со всего сделать съемки, снять фотографии и составить научное описание. Теперь об этом не думают, но скоро будет слишком поздно» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 573. Л. 19).

Шведский ученый заканчивает письмо весьма патетически. «Я сам начал это дело, но что может совершить отдельный иностранец, путешествующий на собственный счет. Начало сделано; нужно продолжать, и поэтому я прошу Ваше превосходительство именем науки, сделайте все, что можете, чтобы спасти эти великолепные вещи для потомства» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 573. Л. 19).

С. Ю. Витте, ознакомившись с посланием, начертал секретарю резолюцию, в которой указал благодарить автора письма и подготовить копию обращения Ф. Р. Мартина, со своими комментариями, для передачи президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу.

Некоторое представление о среднеазиатских древностях и их состоянии министр к тому времени уже имел. Он побывал в Туркестане в 1890 г. Это была чисто административная поездка. С. Ю. Витте, будучи в то время директором департамента железнодорожных дел министерства финансов, вместе с тогдашним главой министерства И. А. Вышеградским посетил Кавказ и Закаспийский край. «Из Баку поехали в Среднюю Азию; были в Мерве, Чарджоу, осматривали Закаспийскую дорогу. После были в Самарканде, Ташкенте, Фергане, а затем вернулись обратно... Так как я был тогда первый раз в Средней Азии, то она произвела на меня очень глубокое впечатление своими богатствами, которые тогда лежали втуне» (Из архива... 2003: 197, 199). С. Ю. Витте имел в виду исключительно богатства природные. О древностях края он в своих записках не упоминал.

Тем не менее С. Ю. Витте отнесся с вниманием к письму шведского путешественника. Причины этого могут быть различны. Несомненно, на министра произвело впечатление бедственное состояние многих памятников среднеазиатской архитектуры, столь поражавших европейцев. Хочется верить, что он искренне желал исправить это положение. Но нельзя сбрасывать со счетов и то,

что Ф. Р. Мартин, будучи в Сургуте, 20 июля 1891 г.¹ был представлен наследнику-цесаревичу во время его «восточного» путешествия.

Как вспоминал Ф. Р. Мартин, «я был вынужден ждать более недели, прежде чем прибыл великий князь-престолонаследник... Кроме губернатора, я был единственным, кто вообще встречал его и был ему представлен. Он с явным интересом осведомился о моем путешествии и впечатлениях о Сибири. Эта аудиенция обогатила мое путешествие и принесла большую пользу моим исследованиям, чем все официальные приватные рекомендательные письма, вместе взятые» (Мартин 2004: 33).

В 1895 г. «великий князь-престолонаследник» был уже императором Николаем II. С. Ю. Витте в силу должности был весьма близок к самодержцу и мог знать о знакомстве государя с шведским путешественником.

Министр финансов 31 января 1895 г. направил Ф. Р. Мартину, проживавшему в петербургской гостинице, ответное письмо, написанное на французском языке. Он благодарит за альбом «с фотографиями коллекций, сделанных в Минусинском музее» и, разделяя впечатления шведа «относительно плачевного состояния памятников истории в Туркестане», сообщает, что не преминет «обратить внимание императорской Академии наук на существующее положение вещей» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 573. Л. 22).

Выполняя свое обещание, уже на следующий день, 1 февраля 1895 г., С. Ю. Витте излагает в письме великому князю Николаю Николаевичу просьбу «известного ученого г. Мартина». А также свое мнение по этому вопросу: «Беру на себя смелость почтительнейше заметить, что, во время поездки, совершенной мною в Среднюю Азию в 1890 году, я вынес такое же, как и названный ученый, грустное впечатление о печальном положении, в коем находятся в обилии и повсеместно разбросанные памятники старины» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 573. Л. 20).

Великим князем дело было передано на рассмотрение в Академию наук, члены которой сочувственно отнеслись к просьбам шведского коллеги. Но посчитали, формально вполне обоснованно, что данный вопрос находится в компетенции императорской Археологической комиссии. А посему неременный секретарь академии Н. Ф. Дубровин 17 февраля 1895 г. письмом за № 252 обратился к председателю комиссии А. А. Бобринскому с предложением о командировании в Туркестан лиц, могущих «принять меры к сохранению памятников старины того края» (РА НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1, 1895 г. Д. 69. Л. 3).

Но, как предвидел Ф. Р. Мартин, А. А. Бобринский не смог удовлетворить пожелания Академии наук. Средства комиссии не шли ни в какое сравнение «с обширностью империи».

В итоге тяжбы между Академией и Археологической комиссией было собрано особое совещание с участием «господ академиков» и в мае 1895 г. августейший президент Академии одобрил создание Самаркандской экспедиции под руководством Н. И. Веселовского. Николай Иванович сразу же включился в ее подготовку. В том числе, стремясь наладить отношения между главой Археологической комиссии и Туркестанским губернатором. В середине мая 1895 г.

¹ Ф. Р. Мартин указывает дату по новому стилю. В российских источниках называется дата по старому стилю — 8 июля.

он писал А. А. Бобринскому: «Сообщаю Вам адрес Туркестанского генерал-губернатора барона Вревского: Английская набережная, д. № 62. Таким образом, он оказывается Вашим соседом» (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 423. Л. 11). В конце лета, закончив работы в Крыму и на Кавказе, ученый направился в Самарканд.

Н. И. Веселовский уже имел опыт работы в Средней Азии. В 1884–1885 гг. он возглавлял экспедицию в Туркестане, одной из главных заслуг которой были раскопки Афросиаба (Длужневская, Кирчо 2009: 790–793). Экспедиция была организована по инициативе генерал-губернатора М. Г. Черняева, который в 1882 г. обратился в Русское археологическое общество с просьбой «командировать из своей среды опытных лиц, под руководством которых могли бы быть произведены археологические изыскания», дабы пресечь раскопки местных интересантов (РА НА ИИМК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 154. Л. 1). Переписка тянулась три года, вплоть до 1884 г., когда Археологическая комиссия выделила небольшие средства (РА НА ИИМК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 154. Л. 3–8, 11, 12).

Примечательно, что А. А. Бобринский в своем письме С. Ю. Витте исправил первоначальный вариант «под наблюдением моим и профессора Веселовского» на «под наблюдением старшего члена комиссии, профессора Веселовского» (РА НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1, 1895 г. Д. 69. Л. 60–61). В состав экспедиции также включили академика П. П. Покрышкина и художника С. М. Дудина, участника многих среднеазиатских военных походов и научных миссий.

Переписка А. А. Бобринского с С. Ю. Витте, включающая подобные детали, неудивительна. Ни Академия наук, ни Археологическая комиссия не смогли выделить средств на сохранение среднеазиатских памятников древности. Экспедиция осуществилась лишь благодаря поддержке С. Ю. Витте, выделившего средства из бюджета своего министерства.

Это единственный случай в истории российской археологии императорского периода, когда министерство финансов брало на себя обеспечение археологической экспедиции иного ведомства. Объяснение этому, помимо уже упомянутого благосклонного отношения Николая II к шведскому ученому, следует искать в близости главных участников событий — С. Ю. Витте и А. А. Бобринского.

Сергей Юльевич с молодых лет был знаком с семьей Бобринских. Именно по настоятельной рекомендации министра путей сообщения графа Владимира Алексеевича Бобринского, дяди председателя Археологической комиссии, С. Ю. Витте в 1870 г. поступил «на железнодорожную службу» (Из архива... 2003: 84–86). В путевом ведомстве С. Ю. Витте служил и при Алексее Павловиче Бобринском, двоюродном брате предыдущего министра. Будущий министр финансов уважительно отзывался о А. П. Бобринском, не побоявшемся, ради пользы дела, возражать против протезе фаворитки Александра II, княжны Долгоруковой, в деле назначения железнодорожного концессионера. Граф стоял на своем, но был вынужден подать прошение об отставке (Из архива... 2003: 114–116).

Бликие отношения связывали Сергея Юльевича и с председателем Археологической комиссии Алексеем Александровичем Бобринским. Сын Алексея Александровича в своих воспоминаниях указывал на их близкие отношения и, в ряде случаев, некоторую общность интересов. «Витте был другом моего отца. Помню, как-то он сидел в гостиной моей матери и пил чай. Зашел

разговор о монетах. Потому что у моего отца была одна из лучших коллекций в России» (Бобринский 2003: 498–499).

А. А. Бобринский и С. Ю. Витте нередко были вместе и в служебной обстановке. «В Государственном совете кресло моего отца, вероятно по чистой случайности, стояло рядом с креслом Витте, что давало им возможность обмениваться мнениями без всяких усилий», вспоминал сын председателя Археологической комиссии (Бобринский 2003: 499).

В 1880-х годах А. А. Бобринский и С. Ю. Витте состояли в промонархической «тайной» организации «Святая дружина», созданной после убийства Александра II для защиты монаршей семьи (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 246–256; Из архива... 2003: 118–123). Хотя в первые годы XX в., в период обострения социальных и общественных конфликтов в империи, С. Ю. Витте с раздражением отзывался о консервативной позиции А. А. Бобринского (Из архива... 2003: 536, 722).

Близость этих двух высших чиновников империи благотворно сказалась на судьбе Самаркандской экспедиции. Уже 1 июля 1895 г. А. А. Бобринский телеграфировал в комиссию из своего имени Смела о получении от С. Ю. Витте сообщения о выделении 4 тыс. рублей на нужды экспедиции. На 1896 г. из сумм государственного казначейства было выделено 3 тыс. рублей. Работы экспедиции продолжались и в 1897 г. (РА НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1, 1895 г. Д. 69. Л. 2, 63, 94).

Но не стоит преувеличивать заинтересованность С. Ю. Витте сохранностью памятников архитектуры Самарканда. Н. И. Веселовский вспоминал, что в 1895 г. министерство финансов отказало Археологической комиссии в средствах на охрану и реставрацию памятников Самарканда. Археологам было предложено «снять с этих памятников, наиболее важных в художественно-археологическом отношении, точнейшие планы и рисунки и напечатать их в особом издании комиссии» (Длужневская 2008: 159).

Самаркандская экспедиция, возглавляемая Н. И. Веселовским, была одной из первых среднеазиатских экспедиций, ставившей своей главной целью охрану и фиксацию древних архитектурных памятников. В результате проведенных работ 1895 г. были изготовлены чертежи и рисунки мечети Биби-Ханым и мавзолея Гур-Эмир, многочисленные фотографии этих памятников и копии надписей со стен мечети и надгробных памятников. Прекрасные резные двери мавзолея Гур-Эмир, «несколько уже поврежденные», в целях их сохранения были перевезены в Петербург. Также были произведены небольшие раскопки на городище Афросиаба (Отчет 1897: 49).

А. А. Бобринский 1 сентября 1895 г. приехал в Самарканд, где с восторгом осмотрел Гур-Эмир, отметив, что большинство «цветных кафелей... выпало, не говоря уж о том, что 2/3 здания вообще разрушено». Он также встречался с Н. И. Веселовским и обсуждал с ним проблемы сохранения древних сооружений. «Обсуждаем с Веселовским, какие-бы принять меры к учреждению здесь охраны древностей и до чего-нибудь, бог даст, задумаемся» (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 333. Л. 12–13, 14 об).

Подобные работы продолжались и в последующие годы. В 1897–1899 гг. экспедиция занималась раскопками обрушившихся мечетей Самарканда и исследованием других древних памятников этого региона. В 1899 г. правительство выделило 13 тыс. рублей на издание «Описания самаркандских мечетей»,

первый и единственный выпуск которого вышел в 1905 г. (Самаркандские мечети 1905).

Самаркандская экспедиция 1895–1897 гг. под руководством Н. И. Веселовского — одна из наиболее масштабных и результативных научных миссий российских археологов XIX в. в Туркестане. Публикация результатов экспедиции ввела в научный оборот большой объем уникальных материалов духовной и материальной культуры народов Средней Азии. Успех этой экспедиции — несомненная заслуга Н. И. Веселовского.

Но при всем этом необходимо признать, что инициатива организации этого научного мероприятия не принадлежит российскому научному сообществу. Ни Археологическая комиссия, ни Академия наук, ни столичные археологические общества не смогли реализовать подобное, хотя и признавали необходимость целенаправленных работ по сохранению древностей Самарканда. «Подобное предприятие требует, конечно, значительных расходов, почему осуществление его постоянно откладывалось» (Отчет 1897: 49).

Археологическая комиссия, излагая в своих «Отчетах» результаты экспедиции Н. И. Веселовского и отмечая «заинтересованность» министра финансов С. Ю. Витте состоянием древних «сооружений» Средней Азии, даже не упоминает своего шведского коллегу и его участие в решении этого вопроса (Отчет 1897: 49).

Однако справедливость требует признать, что только благодаря активной позиции, занятой Ф. Р. Мартином, вкуче с извечным для России преклонением перед зарубежными авторитетами удалось задействовать административные рычаги и личные связи высших чинов империи и руководителей отечественной науки, обеспечивших финансовую и организационную базу Самаркандской экспедиции.

А. А. Бобринский был совершенно прав, когда в 1899 г. ходатайствовал перед императором о награждении «небезызвестного шведского археолога, консерватора Королевского музея древностей в Стокгольме г. Мартина (F. R. Martin)» российским орденом за то, что ученый «усердно способствовал сохранению и описанию Самаркандских памятников искусства». Ходатайство А. А. Бобринского было удовлетворено и Ф. Р. Мартин получил орден святого Станислава второй степени. Эту награду он заслужил.

Письмо Ф. Р. Мартина к С. Ю. Витте

Российский государственный исторический архив. Фонд 560 «Общая канцелярия министра финансов». Описание 28. Дело 573. Л. 18–19.

Ваше Превосходительство.

В далекой Сибири, в г. Минусинске, частное лиц учредило музей, самый прекрасный и богатый провинциальный музей России. Во время путешествия для исследования тамошнего края, три года тому назад, я снял фотографии с этого музея и издал их. Позволяю себе преподнести Вашему превосходительству этот труд, дабы показать, какая сокровища кроются в недрах России. Я осмеливаюсь на это, зная, что Вы, Ваше превосходительство, принимаете живейшее участие во всяком прогрессе России так же и в научном отношении. Но я осмеливаюсь обратить внимание Вашего превосходительства на ниже-следующем обстоятельстве.

Я только что вернулся из путешествия для исследования русских средне-азиатских владений. Что я там видел интересного — не поддается описанию. Туркестан — не только самая богатая, но и самая интересная и самая важная в научном отношении часть империи. Через этот край прошли все большия переселения народов. Там уже с древнейших времен существует богатая культура. Там греки учредили колонии и там же магометане имели свои сильнейшие крепости. Все эти народы оставили после себя многочисленные следы, особенно магометане при Тамерлане. Какая великолепные постройки он соорудил в любимом своем городе Самарканде, это не поддается никакому описанию. Некоторые из прекраснейших памятников всего мира превращаются там в развалины, и никто не интересуется ими и не думает о них. Об этих чудных сооружениях мало кто знает. От землетрясений ежегодно отпадают от них те или другия части, и через 20 лет, а может быть и ранее, от этих великолепных и весьма важных для науки построек ничего не останется, кроме груды камней. Фаянсовые изразцы, которыми они обложены, представляют собою громадную материальную ценность.

Еще время не ушло. Еще можно небольшими денежными средствами все почти спасти и предохранить от дальнейшего разрушения. По крайней мере, можно со всего сделать съемки, снять фотографии и составить научное описание. Теперь об этом не думают, но скоро будет слишком поздно.

Я сам начал это дело, но что может совершить отдельный иностранец, путешествующий на собственный счет. Начало сделано; нужно продолжать, и поэтому я прошу Ваше Превосходительство именем науки, сделайте все, что можете, чтобы спасти эти великолепные вещи для потомства. Я считаю долгом все откровенно сказать Вашему Превосходительству. Я часто проживаю в России; я находил там столь много радушия и любезности, что с моей стороны было бы неблагодарностью не делать всего возможного, чтобы быть полезным стране, которую люблю почти так же, как свое отечество. Археологическая комиссия трудится по мере сил, но что значат ея средства в сравнении с обширностью империи.

Прошу у Вашего Превосходительства извинения в том, что я так долго злоупотребляю Вашим вниманием.

С глубоким почтением

Ф. Р. Мартин

служащий Королевского музея археологии и истории Стокгольма

Письмо С. Ю. Витте Ф. Р. Мартину

Российский государственный исторический архив. Фонд 560 «Общая канцелярия министра финансов». Опись 28. Дело 573. Л. 22.

Писарская копия на французском языке. Перевод О. С. Румянцевой.

Господину Ф. Р. Мартину

№ 352

31 января 1895

Санкт-Петербург

Месье,

С наивеличайшим интересом ознакомился я с письмом от 28 числа сего месяца, которое Вы соблагволили мне направить, и спешу сердечно поблагодарить за любезно присланный Вами альбом с фотографиями коллекций, сделанных в Минусинском музее.

Во время своего непродолжительного пребывания в Средней Азии в 1890 г. я имел возможность лично убедиться, что Ваши наблюдения относительно плачевного состояния памятников истории в Туркестане, к сожалению, более чем обоснованы, и я не премину обратить внимание императорской Академии наук на существующее положение вещей.

Примите, месье, уверения в моем глубоком уважении.

Подписано: С. Витте

Письмо С. Ю. Витте великому князю Николаю Николаевичу

Автору статьи известны два варианта этого документа. В Российском государственном историческом архиве (РГИА. Фонд 560 «Общая канцелярия министра финансов». Опись 28. Дело 573. Л. 20) хранится черновик. В Рукописном архиве Научного архива Института истории материальной культуры РАН (РА НА ИИМК. Фонд 1 «Императорская археологическая комиссия». Опись 1, 1895 г. Дело 69. Л. 4) — писарская копия официального письма С. Ю. Витте. Обе версии практически идентичны, за исключением небольшой правки, имеющейся в черновом варианте. В данном случае приводится текст черновика.

Е. И. В. В. К. Константину Константиновичу президенту императорской Академии наук.

Ваше императорское высочество.

Состоящий при Королевском археологическом и историческом музее в Стокгольме молодой известный² ученый, г. Мартин, находящийся ныне временно в С.Петербурге, обратился ко мне с письмом, в коем указывает, между

² Вписано сверху.

прочим, на печальное положение исторических памятников, которыми так богата вся Средняя Азия и в частности Туркестанский край.

Представляя при сем на воззрение Вашего императорского высочества копию с означенного письма г. Мартина, беру на себя смелость почтительнейше заметить, что, во время поездки, совершенной мною в Среднюю Азию в 1890 году, я вынес такое же, как и названный ученый, грустное впечатление о печальном положении, в коем находятся в обилии и повсеместно разбросанные памятники старины.

С чувством глубокого почтения имею честь быть Вашего императорского высочества

Подписал: министр финансов С. Витте.

1 февраля 1895 г.

Литература

- Бобринской А. А.* 2003. Граф Алексей Александрович Бобринской. 1852–1927 (Сын об отце). Подготовка к публикации, предисловие и примечания И. Л. Тихонова // Кирпичников А. Н. (ред.). Культурное наследие Российского государства. Вып. IV. СПб.: ИИМК РАН, 479–532.
- Длужневская Г. В.* 2008. Изучение памятников Средней Азии в период деятельности императорской Археологической комиссии (1859–1917): фотоматериалы научного архива Института истории материальной культуры РАН // РА 3, 157–164.
- Длужневская Г. В., Кирчо Л. Б.* 2009. Императорская Археологическая комиссия и изучение древностей Средней Азии // Мусин А. С., Носов Е. Н. (ред.). Императорская Археологическая комиссия (1859–1917 гг.) К 150-летию ее основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 783–812.
- Из архива С. Ю. Витте.* Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. 2003. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Мальм У., Нюгард П.* 2002. Фредерик Роберт Мартин // Труфанов А. Я., Чемякин Ю. П. (ред.). Барсова Гора. 110 лет археологических исследований. Сургут: ИКНПЦ «Барсова Гора», 35–37.
- Мартин Ф. Р.* 2004. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. Екатеринбург, Сургут: Уральский рабочий.
- Отчет императорской Археологической комиссии за 1895 год.* СПб., 1897.
- Самаркандские мечети.* Вып. I. СПб., 1905.
- Arne T. J.* 1935. Frederik Martin // Fornvännen. Meddelanden från K. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. Årgång 30. Stockholm.
- Martin F. R.* 1893. L'age du bronze au Musée de Minoussinsk. Stockholm: Samson & Wallin.
- Martin F. R.* 1897. Sibirica. Ein Beitrag zur Kenntnis der Vorgeschichte und Kultur sibirischer Völker. Stockholm: Gustaf Chelius.